

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН



ПУСТЬ ДУША ОТДОХНЁТ...

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Виктору Лихоносову

С большака повернув на осенний просёлок,
Наш “уазик” в грязи то тонул, то всплывал.
В пять немереных вёрст путь казался нам долог
В тот фамильный удел, где Леонтьев бывал.
Три крестьянских двора затерялись на взгорке
Средь едва различимых дубовых аллей,
Где дышала земля волглым воздухом горьким,
Позабывшая запах озимых полей.
Дуб-монарх в шесть обхватов стоял отрешённо
От людской суеты, от страданий и бед.
Был чуть выше травы угол барского дома —
Знаменитой усадьбы единственный след.
Я пытался понять, где леонтьевских мыслей
Здесь, в российской глуши, животворный исток,
Евразийской мечты, неприятя жизни,
Где богатства и похоть превыше, чем Бог.
Может быть, в отрешённом величии дуба
Или в этих полях, где сиротство сквозит,
Или в страждущей русской душе однолюба,
Что о ближних и дальних бессонно болит?

БЕСЕДИН Николай Васильевич родился в 1934 году в Кемеровской области. Четырнадцатилетним юношей ушёл юнгой на флот. В 1956 году окончил Ломоносовское мореходное училище ВМФ, в 1963 году — Литературный институт им. Горького. Работал в Институте ядерной физики им. Курчатова, Госплане СССР. Автор 12 стихотворных сборников. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Да и есть ли ответы на самосожженье,
На служение миру любви и добра?
Только свет отдалённый развеет сомненье,
Что придёт благоденствия духа пора.

* * *

Гаснет день над Угрой.
Всё настойчивей запах сирени.
В небе ласточки чертят круги
высоко, высоко.
Выходи на крыльцо.
Посидим на остывшей ступени.
Пусть душа отдохнёт
от всего, что от нас далеко.
Всё равно не понять
эту жизнь, это время летящее,
Словно есть тот предел,
за которым закончился бег.
Всё равно не понять,
что же было у нас настоящее,
И зачем в этот мир сотворённый
пришёл человек?
Сквозь ракидную зелень
виднеется солнце закатное,
Погружается в сонный туман
городок за рекой.
И дома, и над церковью купол
как будто бы ватные,
И во всём этом странный
и грустный, предвечный покой.
Может, выпало время
для тихого праздника лени,
Или это усталость
от прожитых миром веков...
Выходи на крыльцо.
Посидим на остывшей ступени,
Пусть душа отдохнёт
от всего, что от нас далеко.

* * *

На старинной гравюре,
где небо врзлёт
Разместилось над полем,
Где ворон клюёт
На дороге ячменные зёрна,
Где легко и упруго
скользят облака,
Где не то, чтобы дни и года,
А века
Исчезают, как листья, покорно.
На старинной гравюре,
где сонный покой
От осокоя льётся,
И на водопой
Пастушонок торопит отару,
Там душа и пространство,
себя обретя,

Так слились воедино,
 как мать и дитя,
Как два промысла Божьего дара.
В окнах сумерки гаснут, стирая тона,
Размывая границы гравюры и сна
Поля этого, этой дороги.
Нет отары давно и её пастушка,
Бесприютен пустырь,
 тяжелы облака,
И исполнено небо тревоги.
На асфальте дорожном
 не зёрна, не тлен,
Задохнулось пространство
 в нашествии стен,
В бесконечности небо зловеще.
Но минувшее память жестоко хранит.
На обломке осокоря ворон сидит,
И возмездье в глазах его вещей.

* * *

Я люблю ту великую, грешную,
Ту, ушедшую в вечность, страну,
И за веру её сумасшедшую,
И за праведную вину.
Не просила у мира, не кланялась,
Берегла свою честь испокон.
И прости её, Боже, что каялась
Не у тех, к сожаленью, икон.
Было всё: упоенье победами,
Были всякие годы и дни,
Но над всеми смертями и бедами
Было что-то, что небу сродни.
И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
— Что за звёзды горят на погосте?
И услышат:
— Молитесь за них.

* * *

Серп и молот, как символ труда,
На знамёнах и звёздочках наших.
Той страны не забыть никогда,
Что прошла по планете на марше.
Ни себя не щадя, ни врагов,
В созиданье искала бессмертье.
— Сколько было ей?
— Двадцать веков.
Крестный путь её — двадцать столетий.
Ибо сущность не в том, что она
Новый мир создавала без Бога,
А в надежде, что эта страна
Будет к Божьему миру дорога.
Сгинет власть золотого тельца,
А за ним все убийцы и воры,
Что насытятся правдой сердца
И не станет вражды и раздора.
Но роса очи выела нам,

Пока ждали мы солнца восхода.
И ушёл недостроенный храм,
Словно Китеж, в безумные воды.
Люди в пору разрухи и бед
Вновь приходят туда, где стоял он,
Чтоб под звёздами прежних побед
Силы вызрели в сердце усталом.
И тогда возникает порой
Необычного храма виденье.
Купол венчан звездой золотой,
Божий крест освящает ступени.
И идут к нему в вечном строю
Чётким шагом державным двенадцать,
И над ними святые поют,
А за ними иуды толпятся.